

Морозовская стачка.

Две недели тому назад происходил во Владимире (центральная Россия) процесс, к которому привлечено было около тридцати рабочих по обвинению в участии в забастовке, имевшей место в январе 1885 года на ткацкой фабрике миллионера Морозова, который один занимает свыше двадцати тысяч рабочих в разных местностях Владимирской губернии.

Этот образцовый капиталист, пользуясь свирепствующим промышленным кризисом, ухитрился повысить заработную плату 6.000 ткачей упомянутой фабрики, подвергая их штрафам, часто превосходившим 50% более чем скромного „дохода“ рабочих.

Измученные притеснениями и потеряв всякое терпение, ткачи объявили забастовку и заявили, что возобновят работу лишь при условии некоторого повышения заработной платы и отмены практиковавшейся на фабрике системы штрафов. При этом они, однако, отнюдь не требовали полной отмены штрафов, — они ограничили свое требование назначением арбитражной комиссии, составленной наполовину из рабочих и наполовину из мастеров и уполномоченной выносить постановления о штрафах.

Директор фабрики отказался удовлетворить скромные требования рабочих, и телеграфировал Морозову, находившемуся в Москве. Последний тотчас же обратился к генерал-губернатору этого „священного“ города с просьбою предоставить в его распоряжение войска. Нечего говорить, что князь Долгоруков (генерал-губернатор) пошел навстречу желанию Морозова: батальон был немедленно послан во Владимир.

Владимирский губернатор, со своей стороны, примчался на место забастовки, в сопровождении прокурора, жандармов, казаков и целой стаи шпионов. Прежде всего он спросил у стачечников, чего они хотят. Два человека, Волков и Мосенко, тотчас же выступили вперед и от имени своих товарищей представили записку, в которой перечислены были все жалобы стачечников. По вопросу губернатора был лишь традиционным маневром русской администрации, чтобы установить „зачинщиков“. И действительно, губернатор, даже не ознакомившись с содержанием поданной ему записки, приказал арестовать обоих делегатов „и их сообщников“.

Но рабочие не могли отнестись спокойно к этой гнусности. Сообщение об аресте товарищей распространяется среди рабочих, возмущение охватывает всех стачечников, бьют в набат — и толпа набрасывается на жандармов. Арестованные были освобождены, а толпа стачечников, мстя за насилие, разгромила квартиру дирек-

тора фабрики и лавку, в которой г. Морозов, практикуя truck-system, продавал своим рабочим всякого рода товары.

Несушащий губернатор велит подтянуть подкрепления, и возмущение рабочих усмиряется вооруженной силой. Несколькое времени спустя администрация фабрики уступает рабочим в некоторых пунктах—и работы возобновляются. По окончании забастовки сотни рабочих были арестованы и затем высланы на родину. Около пятидесяти из них предстали в январе этого года пред судом и присуждены были, на основании русского закона, воспрепятствующего стачки, к тюремному заключению на сроки от 15 дней до 2 месяцев.

Не довольствуясь этим, прокурор, сверх того, привлек к суду 33 стачечников по обвинению в том, что они „ограбили“ квартиру директора и лавку г. Морозова, а также и в оказании сопротивления вооруженной силе. В своем обвинительном акте прокурор особенно подчеркнул, что *Волков* и *Мосеенко*, два главных вожака забастовки, уже давно принадлежали к социалистической партии, и что они уже в 1878 г. организовали забастовку в Петербурге,— обстоятельство, за которое они заплатились ссылкой в Сибирь, откуда они лишь недавно возвратились. Несмотря, однако, на все рвение, проявленное прокурором, чтобы добиться примерного осуждения обвиняемых, присяжные заседатели, на которых, видимо, произвела глубокое впечатление, обнаруженная на суде картина подлостей, совершавшихся администрацией фабрики, ответили *отрицательно* на все 101 (сто один) вопрос обвинения. Председатель окружного суда приказал тогда отпустить обвиняемых на свободу.

Процесс вызвал к себе огромный интерес в России, где он несомненно явится исходным пунктом нового фазиса рабочего движения. Принадки бешенства, вызванные оправданием наших мужественных товарищей у царских борзописцев, могут служить хорошим указанием. Пресловутый Катков (заправила современной реакции) пишет в своей газете („Московские Ведомости“), что „рабочий вопрос народился в России“. Со своим обычным цинизмом и бесстыдством он заявляет, что, вместо того, чтобы терять время на судебное разбирательство, лучше было административно сослать обвиняемых (как Роши и Дюк-Керен) из Владимира в Сибирь, „которая им уже хорошо знакома“.

Пришлая во внимание жестокий режим, которому подвержена Россия, можно, к несчастью, предсказать, что все оправданные будут сосланы в Сибирь и что социалисты Волков и Мосеенко не избегнут рук царских жандармов.